

МОНАСТЫРКА

В 1697 году на берегу реки Шегарки приобрел пригодные для заселения земли мужской Алексеевский монастырь. Руководством монастыря были привезены бедные, но вольные (не крепостные) мужики для работы на пашне. Так родилось село, население которого сложилось быстро. Первые дома были построены там, где река делала большую петлю, образуя полуостров.

В «Списке населенных мест Сибирского края. Выписка XI. Томский округ» Томского госархива научно-справочной библиотеки дата основания села Монастырка на реке Шегарке еще более ранняя – 1626 год.

Население села росло и за счет крепостных крестьян, бежавших от барского гнева с Украины, Белоруссии, европейской части России.

К концу XVIII века при Екатерине II монастырские крестьяне перешли в разряд экономических, т.е. получили личную свободу и стали нести государственные повинности (все виды налогов: подушный, за землю, дороги и т. д.).

Работа не на монастырь, а на себя сделала более производительным труд. Почти каждый мужик сеял рожь, пшеницу, горох, лен, коноплю, овес. В огородах росли традиционные для русского человека овощи.

За четверть века до революции в Монастырке жили Севостьяновы, Ильиных, Киселевы, Даниловы, Пантелеевы, Марковы, Моисеевы, Еремины, Фокины, Старцевы, иностранец Вейдя Газди, Ткаченко и другие.

Около живописного озера Кулига был построен льнозавод. Большой луг у озера выbraли для раскладки льна, производство которого дело хлопотное, но выгодное. Немалый

*Семья Киселевых,
проводившая кормилица
на I мировую войну*

доход давало не только льняное волокно, но и масло. По воспоминаниям ветерана льнозавода Шарепо И.М., стоимость одного центнера льна приравнялась к стоимости десяти центнеров пшеницы. После революции завод стал принадлежать государству. При нем держали 7 лошадей, как основную тягловую силу. Для нужд рабочих завели двух коров, приусадебный участок, на котором садили 2 га картофеля и столько же пшеницы. Руководство завода имело умные головы и понимало, что с голодного человека много не спросишь, а потому думало не только об основном производстве, но и о людях.

В 1961 году завод сгорел, восстанавливать его не стали: лен в эти годы ценности для Томской области не представлял. Это были годы, когда основное внимание руководства было обращено в сторону кукурузы.

Жили в Монастырке свои Мастера с большой буквы. На всю округу славился глиняными горшками, чашками, крынками гончар Чванников.

Афанасий Малышенко был известен в районе как хороший специалист по перегонке дегтя.

Ремесло перенималось у отцов и дедов, славившихся на всю волость, а потому в старые добрые времена деньги в «мошне» мастерового и крестьянского люда имелись.

В районе Старой Монастырки шла бойкая торговля в лавках купца второй гильдии Прохора Птухина. По одну сторону улицы располагались его магазины, в которых работали на хозяина бойкие приказчики, по другую – стояли жилой дом и складские помещения.

Однажды купец решил соединить свое хозяйство подземным переходом. Любые подземелья прошлого хранят свои секреты, возможно, тайные дела Прохора Птухина помнили и эти переходы, пока их не обвалила грузовая машина.

На районной краеведческой конференции учащиеся Монастырской школы рассказали еще об одной дореволюционной достопримечательности Монастырки – улице Тверской. По особому царскому указу выделялись деньги на строительство дорог – каторжного пути. До сих пор на реке Юкора осталось место с названием Царский мост.

1912 год стал памятен для этих мест тем, что Монастырка стала волостным центром.

Жизнь монастырцев оживилась, стали шире торговые ряды на ярмарках, богаче товар на прилавках.

Но не хлебом единым живы были монастырцы. На сбережения они построили в конце XIX века Пророко-Ильинскую церковь. Ее купола виднелись за несколько километров, а звон колоколов было слышно в соседних деревнях.

Старостой в церкви служил Н.М. Киселев, а псаломщиком – И.Н. Киселев. Пели в хоре, в основном, дети с сильными голосами. Псаломщик платил им по 3 – 5 копеек. Пела в церковном хоре ималенькая Тося Киселева.

В 1925 году под слезы прихожан храм прекратил свое существование в «мире видимом», но долго еще оставался нетленным в душах и памяти верующих людей.

К этому времени в Монастырке были открыты школа, больница, изба-читальня и торговая лавка.

После революции, когда трудиться в единоличном хозяйстве стало опасно, а кормить семью надо, в Монастырке образуется несколько небольших артелей. Одни закупают у населения шерсть и изготавливают валенки, другие выделывают кожи, третьи шьют сапоги. Рыбаки образовали свою артель.

Революционные настроения в Монастырке нашли свое воплощение в создании в двух километрах от села коммуны.

Высокий политический накал передает резолюция Монастырской волостной беспартийной конференции женщин, принятая 30 декабря 1923 года:

«Мы, женщины Монастырской беспартийной конференции, приветствуем пролетариат Германии, который сознательно стремится сбросить с себя гнет и уничтожить своих угнетателей. А также приветствуем пролетариат России совместно с его авангардом – Коммунистической партией и ее вождем Лениным и надеемся, что они сумеют помочь германскому пролетариату в его тяжелом положении в настоящее время.

*Председатель конференции В.М. Шкуратов
Секретарь Свечникова».*

(Сборник «Трудящиеся Томской губернии – Ленину»,
г. Томск, 1966 г.)

В 1924 году Монастырская волость вошла в Кривошеинский район.

Через 2 года после этого события проходила перепись населения, которая показала, что в селе к этому времени в 257 дворах проживали 1269 человек.

20 января 1936 года Монастырский сельсовет, который охватил Березовку, Михайловку, Коммуну, Покровку, вошел в Шегарский район.

Председатели в своих поселениях обладали большой властью и зачастую этой властью злоупотребляли.

В 1937 году в Монастырке руководил сельским советом Лайченко, а его помощником был некто Смокотин. Пользуясь страхом населения перед репрессиями, они грабительски обирали и старого, и малого, и бедного, и богатого (см. главу «Репрессии»). Когда Лайченко освободили от должности, исключили из партии, и он уже не представлял опасности для населения, возмущению монастырцев не было предела. Иначе как грабителем его не называли. В помещении, где проходило собрание по этому поводу, яблоку негде было упасть. Заседали допоздна, но выступить успели только 25 человек, убедительно доказав факты мародерства. В свое оправдание председатель Монастырского сельсовета сначала обвинил районное начальство за то, что плохо его контролировало, а потом своего помощника Смокотина, за которым, ввиду «систематических пьянок», он не мог уследить.

Удивительно терпение народа, который при таком отношении к себе проявлял чудеса героизма на трудовом фронте и в бою.

До войны в Монастырке насчитывалось около 400 дворов.

Монастырская школа, 8-й класс, 1939 г.

В Монастырской школе был сильный коллектив преподавателей, которым руководил Василий Самсонович (см. фото: в центре, в галстук). Многие выпускники 8-го класса 1939 года уже на следующий год занимались ответственной работой. Евгению Бембель (2-й ряд 3-я справа) взяли в райком комсомола, Александра Григорьева – в райисполком, Таисию Киселеву (3-й

ряд, 2-я справа) – в школу учителем, Федора Литвенко (2-й ряд, 2-й слева) – в райисполком. Тихон Семенович Сакович (3-й ряд 2-й слева) с 1941 года приступил к обязанностям заведующего народным отделом образования.

Давая прочные знания по фундаментальным наукам, мировой литературе, школьникам прививали атеистические убеждения.

В 1940 году это большое село едва не поменяло свое старинное название, так как «... Монастырский носит позорное имя отжившего прошлого». Шегарский райисполком, поддержав ходатайство трудящихся Монастырского сельсовета, принял решение: «Монастырский сельсовет поименовать ЛУГАНСКИЙ. Село Монастырское поименовать Луганское; поселки Монастырского сельсовета: Михайловский поименовать в поселок Кочубей, Покровское – в пос. Малиновка, Троицкий – в поселок Ново – Березовский». (Основание: Шегарский райархив, Ф. 9, Оп. 1, Д. 10, Л. 207 а).

Вскоре началась война, и переименование не состоялось.

Беда сблизила людей. Громких проводов на фронт не было, собирались самые близкие в тесном кругу, а утром глава семьи уходил на сборный пункт.

Вслед за мужьями на фронт отправляли посылки с вещами и продуктами. После уплаты налогов государству самим оставалось есть лебеду и крапиву.

«Отжимки из овса варили, – рассказывает В.И. Прокопенко краеведам из Монастырской школы, – скотину держали, только проку от этого мало было. Молоко, масло – сдай, от зарезанного кабанчика только голова да копыта оставались».

Не легче было работникам пимокатной артели. Почти все валенки отправлялись на фронт. Эта теплая, удобная обувь спасала солдат холодными зимами от обморожения.

Во время войны работал в Монастырской школе учителем математики будущий профессор Львовского университета Г.К. Янков. Приехал он в ссылку из Бессарабии и тонкостями русского языка не владел. Один из его бывших учеников Груздев Л.В. вспоминал о комичных случаях на уроке в связи с этим обстоятельством. Однажды за невыполненное задание ему пришлось поставить плохую оценку нерадивой ученице крупного телосложения: «Вот поставлю тебе копь и испорчу тебя». Раздался гомерический хохот в классе, потому

что фраза напрашивалась на крамольный подтекст, который учитель так и не понял. Это непонимание вызвало новый взрыв смеха.

Шла война, в колхозах постоянно использовали труд полуголодных школьников, но, как и в мирное время, они шутили, проказничали и верили, что самая лучшая страна в мире – Советский Союз.

Директором школы в довоенное время работал Б.А. Анисимов, а во время войны К.Г. Мещеряков.

После Победы стало легче: вернулись с фронта живые, подросли дети войны. Стало налаживаться то, что запустилось без мужского догляда и сильных рук.

Первыми механизаторами колхоза были Дмитрий Севостьянов, Иван Майборов, Владимир Королев. На комбайнах работали Кожевников Иван, Петухов Владимир – добросовестные, честные труженики, на которых равнялись остальные.

Улучшались дела и в животноводстве: постепенно увеличивалось поголовье скота, росла его продуктивность.

С годами в Монастырке внедрили механизированную уборку навоза и раздачу кормов. Скотникам уже не нужно было на лошадях подвозить к кормушкам силос, сено или «зеленку».

Когда привезли доильные аппараты, доярки отнеслись недоверчиво к этому новшеству. «Ну, придумали технику, – говорили они, рассматривая прибор. – Этой холерой только соски коровам отрывать». И продолжали доить коров руками.

Когда председатель колхоза Н. В. Мاستрюков, человек, открытый всему новому и ответственный, начинал объяснять преимущества доильного аппарата, жалобы сыпались со всех сторон. Да и коровы боялись непривычной дойки. Со временем, привыкнув пользоваться новым прибором и хорошо мыть его, чтобы молоко не скисало преждевременно, люди почувствовали облегчение.

Чехарда с объединениями и разукрупнениями хозяйств не обошла Монастырку.

В середине 60-х годов основное население села трудилось в совхозе «Шегарский». На фермах содержалось почти 3000 голов крупнорогатого скота, из

них 1200 коров. Была и свиноферма, насчитывающая 3250 свиней. Хозяйство сдавало государству 2800 тонн молока в год. Этим молоком можно было бы напоить 11 миллионов 200 тысяч детей, налив им по стакану. Более 500 тонн мяса в год поступало на прилавки магазинов из этого совхоза.

Численность работающих в совхозе доходила без малого до одной тысячи.

В разные годы руководителями хозяйства работали В.И. Анчарук, В.И. Иванов, В.Н. Каплунов, А.С. Баймукашев, Н.П. Дюндик.

В середине 90-х годов совхоз переименовали в товарищество, но от разорения новое название не спасло. Накануне третьего тысячелетия по монастырским полям и фермам, «как Мамай прошел».

В начале XXI века стало возрождаться единоличное хозяйство.

Выращиванием хлеба на монастырских землях занимаются фермерские хозяйства «Покровское» (владелец Николай Павлович Дюндик) и «Хозяин» (владелец Владимир Леонидович Хавелев).

В наши дни село относится к Северному поселению, которое возглавляет Баймукашев Александр Сарсенович.

Каждый год 9 мая монастырцы приходят на митинг к памятнику землякам-воинам, погибшим в годы войны. Автором проекта стал ветеран войны, орденносец, поэт, художник, прекрасный учитель и руководитель образовательным учреждением Киселев Павел Семенович. Памятник был построен силами учащихся, учителей и жителей села.

Каждый год у этого памятника чествуют и ветеранов войны. Андриянов Павел Тимофеевич, победитель соцсоревнований в мирное время, воевал с Японией. Имеет орден Победы, медаль «За победу над Японией» и другие награды. Дыдко Василий Егорович, колхозный бригадир в мирное время, тоже служил в Японии. Неоднократно получал награды, в том числе «За Победу над фашистской Германией», «За победу над Японией», письменные благодарности от Сталина и Жукова.

Платонов Михаил Прохорович воевал с фашистами на Втором Украинском фронте. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Германией», имеет значок «Отличный танкист». В мирное время за высокие показатели в труде получал премии, почетные грамоты и другие награды.

Шарепо Федор Федосеевич стал морским десантником в 17 лет. Имеет медали за освобождение Кореи и «За победу над Японией».

Щедра монастырская земля на талантливых, ярких людей. Здесь родились Т.С. и П.С. Киселевы, написавшие трогательные стихи о родном крае.

В монастырской крестьянской семье корни удивительной женщины – Дины Романовны Вороновой, мастера редкого рукоделия – гильоширования.

Старинное село, в котором сегодня живут более шестисот человек, с красивым названием Монастырка гордится поколением ушедшего века, прожившим свою жизнь трудно, но с честью.

МУРЕНКА – НИКОЛАЕВКА

Дата рождения села точно не установлена. В монографии Емельянова «Заселение Приобья русскими» есть ссылка на перепись 1895 года, по которой в это время в Муренке проживали 111 человек в 32 дворах. В Шегарском районном архиве появление этого поселения на реке Муренка относят к 1902 году.

По реке и дано одно из названий деревни, второе – в честь Святого Николая-угодника.

По плану земельного и лесного надела Богородской волости Томской губернии за крестьянами выселка Николаевского, в котором проживали «85 душ мужского пола» были, в связи с положением Столыпинской реформы, в 1904-м закреплены дополнительные земельные наделы.

Участки давали в лесах, поэтому приходилось пашни отвоевывать у тайги.

Свой первый колхоз николаевцы называли «В бой за культуру». В 1926 году здесь проживали уже почти 5 сотен человек в 97 дворах. Но осторожные крестьяне не спешили объединяться. Поначалу только 9 семей решились на такие серьезные перемены в своей жизни. Первым подал свое за-